

Почему погиб Шурик Горяев

Свою новую пьесу драматурги А. Зак и И. Кузнецов назвали четко и определенно: «Два цвета». Программные названия подчеркила введенным в текст произведения стихом талантливого поэта Григория Поженяна о море, на котором

Кто из нас в этот час
рассвета
Смог бы сплутать два
главных цвета?
И пока просыпается
горны,
Утром пасмурным и
суровым,
Море видится мне
то черным,
То от красных огней —
багровым.

На прямых контрастах красного — цвета жизни и черного — цвета зла построена пьеса. Вслед за авторами Ленинградский театр имени Ленинского комсомола, осуществивший ее постановку, решительно занял воинствующую позицию. Театр горячо — и ему удается заразить этой горячностью зрительный зал — скорбит о гибели чудесного пареняшка Шурика Горяева и жгуче ненавидит опустошенных растительный всего живого — убойн Шурика — Глухаря и Глотова. Идя по пятам подлинного случая, создатели спектакля не ограничиваются простым изложением истории о том, как группа хулиганов убивает честного и стойкого юношу. Приподнимая ваял зритель вопиющим, но частым фактом, спектакль активно вступает в борьбу с остатками закоренелой дикости — переложитком прошлого, осужденно-

Спектакль «Два цвета»
в Театре имени
Ленинского комсомола

го самой историей на гибель. И эта красочнейшая зрелищность, выбранная театром в неумолимой битве жизни, свидетельствует об общественной необходимости спектакля, его безусловной современности.

Но жизнь никогда не бывает приключенной. Она не укладывается в овалы борьбы красной и черной. Между «двумя крайними цветами» действительности существует бесчисленное количество красок, полутонов, оттенков. Между героизмом Шурика, пледом живущего для других, и преступностью убивающего его Глухаря лежит большая и страшная зона равнодушия. Не всегда различая простым взглядом, она подлая и является главной опасностью нашей жизни.

Против нее выступает театр своим спектаклем, поставленным режиссером П. Комокниным. Еще до того, как расцвет цвет и открывается занавес, на сцене, у самой рампы, встречается зритель только не действующих лиц. Они не обозначены в программе и по своей сценической номенклатуре должны быть отнесены к декоративному оформлению художника И. Савелья. Но по тому месту, о том, как группа хулиганов убивает честного и стойкого юношу. Приподнимая ваял зритель вопиющим, но частым фактом, спектакль активно вступает в борьбу с остатками закоренелой дикости — переложитком прошлого, осужденно-

лестиями, оно совсем недвояко поднялось над землей и стоит непринужденно и весело, все полное обещаний будущего. Но один из героев спектакля небрежно, от нечего делать, навелился на тоненький ствол, притнул его, надломил, и радостные бледно-зеленые ветви, пригнетые первым солнцем, упали навзничь, как подстреленный мш-за урга водоем.

Грубая, равнодушная рука сломала дерево, пожелтел человек. Но ценю равнодушия шма может стать и человеческая жизнь. Зависит от равнодушия, борется с ним, равнодушием предупреждает рухнувшие деревья. Выразительная деталь, естественно, неизменно обобщает мысль, заволакуван в спектакле, развешает его человеческое начало — как Судья одиноко безуспешно, но живую вину.

И потому, где театр находит точный повествовательный образ, почтуну характеристику действующих лиц, он изъясняет на языке самых ценных и зримых приемов: контраста и выразительных акцентов. Намечает, выводит, акцентирует, выразитель, и выпирает, когда спектакль только механически следует за указаниями драматурга или украшает пьесу, не ожидая, не протестуя ее слабые стороны: некоторая вялость сценария, недостаточность поэтической глубины.

Спектакль начинается нетленным пробегом. В унылой сумеречной час обидает люди, частью похулиганов в день. Смет прожорливый выдерживается то на ухом пролетя крупной летящим, то на уличной скемке, то на уходящей вдале полянке. И везде, в каждой

группе юношей, девушек, звучат знакомые лирические песни. Сюжетно врываясь в эти беспробудные явьсы, сцену пронзает порывом благочестивой моты. Так сразу режиссер решает заданную задачу, отделяет режиссерской силой противоборствующих.

Сам по себе этот наглядно иллюстративный прием, может быть, и законен. Но чрезмерно затянутый, излишне подробный, он невольно задерживает начало действия. А повторенный в спектакле множество раз он не только отягощает ритм, но порой становится откровенно невыносимым. И совсем лишними представляются эти голубая за сценой — внутренняя монолог героев. Они ничего не добавляют к уже известным психологическим ходам, но зато вносят в спектакль тонкую неадекватность, дисгармонию критична, которые разве же и она этих хрестоматийных подкачки, но только разве разбираться в происходящем. Но и активно участвуют в нем, что является несомненной заслугой театра.

Да, борьба героев спектакля, отношения, возникающие между ними, исход их очень острый и очень принципиальный, но борьба привлекает своей достоверностью близостью к жизненным обобщениям, искренностью игры солистства исполнителей. Чье сердце может оставить не потревоженным судьба Фельки Лукашева, по существу хорошего и чистого пареняка, душевную слабость и недостаток смелости которого так жгуче ипользуясь откровенно человеческого общества? И Савелья не претчет с артистической силой и противоречивой Фельдиной натуре, ни его трусовость, ни жалкой покорности перед грубой животной силой. Но под этой мутью, которая

цепко обволакивает Фелькину жизнь, актер показывает неизрасходованную энергию, тоскующую по настоящему делу, жажду добра и правды, навязанную доверчивость и боль нужденного рабства. Путь, который проходит в спектакле Лукашев, показан актером во всей сложности внутреннего конфликта. И то, что за пределами сценической жизни Фелька в исполнении Селанкина, очевидно, заменит в строю погибшего Шурика, не только объясняет, за что воевал Горяев, но и является его важной нравственной победой. Хотелось бы, чтобы эта очень существенная тема произведения была более глубоко завершена в финале. Нельзя не чувствовать удолговления, когда Лукашев и Глотова понавалот в руки мш-за. Но для искусства куда важнее не этот итог, а то, что изложено ипользуя эту тему. Исполнитель Фельки отлично выдерживает на их власти и с раском для собственной жизни. Кинулся один, безоружный на двух вооруженных преступников.

Сочная и хорошему театралью играет Тамару И. Урядную. Ее оседанию, оно живым и ярким, прекрасно уживается с безразлично дельные остроты, обаятельная, легкая шутка, сметливость с уст, и на отбойный драматизм чувства, которому так же хватает уважения и любви. Поэтому впечатление Лукашева воспринимаешь не только как торжество доброй началла, не только как посмертную победу Горяева, но и как справедливую награду за истинную любовь и неустыжливую веру Тамары.

Тревожающую чуждость чувств, питающих этого сердца, вызывает повесть удалост, пока, хотя М. Савельевой в неброском, но цельном образе Кат

Шагаловой, единственной и последней любви Шурика Горяева. Сложнее обстоит дело с воплощением этого главного героя спектакля.

Шурика играет совсем молодой актер, выпускник Театрального института Е. Агафонов. Он играет искренне, вдумчиво, строго, не прибегая ни к каким зрелищным эффектам. И все-таки не может отрешиться от ощущения, что Шурику в спектакле не хватает той детскости, внутренней озаренности, поэтической назвала, которое есть в пьесе и которое служит прикладным магнитом для притягивающих. Но борьба Шурика, его трагическая и достойная судьба все время стоит в центре спектакля, вызывает чувство боли и ответственности за эту небережливую жизнь.

С гневом обидает театр прямых убойн Шурика — Глухаря (артист О. Окулевич) и Глотова (артист Г. Гай). Театр как бы выставляет их для публичного обзрения во всем их внутреннем уродстве и убожестве. С таким решением трудно спорить. Оно вполне уместно в общем публицистическом строе спектакля. Но, может быть, эти пороки, этот сползлый, звериный эгоизм, этот смертельный цинизм оказались бы еще более страшными, если бы они не кричали о себе так явно с первой же встречи.

В спектакле есть ряд удачно сыгранных эпизодов. В одной сцене П. Лобанов раскрывает объяснительный эгоизм, мелкое самолюбиево законченного мешанина Бабеда. Чувственно и убежденно играет Воробьева П. Усовиченко. С хорошим юмором высмеивает В. Ковалев активиста Жарова, знающего «свои» кадры только заочно. Есть и неудачи. Обидно, что

в безликом исполнении Г. Матвеевой (Дуся Муравьева) и Э. Саволовой (Зина Капустина) затерялись среди других живые характеры этих девушек. Но один просвет в спектакле представляется мне принципиальным. Речь идет о решении образа Бориса Родина, человека, который слышал предсмертный крик Шурика, но прошел своей дорогой, не узнав, кто кричит.

В исполнении И. Кутянского мы увидели обыкновенного позера, человека не очень умного и очень невнимательного, и чем-то даже пошляка. Но такое решение облегчает поставленную проблему. Равнодушие Родина тем более нстораживает, что юрист Родин у автор — человек тонкого интеллекта, не трус — он недаром добывал раковину со дня океана. Но, пытаясь прожить, не выживая в драку, он по сути дела смыкается с обывательской психологией трусливой пассивности. Хуже того, Равнодушие сделало его невольным соучастником гибели Шурика. Он прошел мимо в то мгновение, которое еще можно было превратить трагическую ошибку в случайность окажется только нечаянным овладением. Для Родина-человека, способного мыслить, сопричастие может стать поворотным жизненным этапом.

Таким этапом становится гибель Шурика для многих зрителей, запояющихся театр. Спектакль «Два цвета» не только волнует. Он заставляет проверять свою совесть. Он учит не проходить мимо, если рядом беда. Он учит не быть равнодушным.

Р. БЕНЬЯШ